

О ЧЕМ МЫ ДУМАЕМ, О ЧЕМ СПОРИМ

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

МОЙ ТЕАТР — имени Евг. Вахтангова — один из первых в Москве открыл свой новый, пятидесятый, сезон. И открыл его нестареющей «Принцессой Турандот» — постановкой, связанной с именем прекрасного человека, яркого и темпераментного художника сцены Евгения Вахтангова! Спектакль был праздничным, искрометным, озорным. И как играли в этот вечер мои товарищи по сцене — и молодые, и умудренные опытом!

...А сегодня был первый мой спектакль — «На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского, где я играл «важного господина» Крутицкого. Зрители принимали нас великодушно. Но вот утихли аплодисменты, закрылся занавес, разошлись актеры по своим гримерным. И в этой сосредоточенной тишине, еще не остыив от радостного возбуждения, от встречи с искусством, от тепла зрительного зала, я сел за столик, стал разглагольствовать. В эти минуты актер, по-моему, всегда должен мысленно оживить в своем воображении все, что было в этот вечер на сцене, с первого выхода, с первого жеста, слова. «Прокручивается» воображаемая кинолента спектакля, и отмечаешь сам для себя, где, что упустил, где неверно прозвучала та или иная интонация, где не удалось «подойти» верное сценическое самочувствие. За многие годы работы в театре я приучил себя к этому ежевечернему придирчивому и недисциплинированному анализу, «диалогу» с самим собой. И считаю его полезным и необходимым не только для актера, но и для каждого человека, всерьезно, творчески относящегося к себе, к своему делу.

Зачем это нужно? Для чего? Видите ли, я убежден в том, что, анализируя, находя свои ошибки, недочеты и постоянно устранив их, можно стремиться к совершенству в своем деле. И наоборот, стоит дать себе поблажку раз, два, три, как случайная ошибка фиксируется, от повторения превращается в неверный условный рефлекс, исправить который потом, ой, как трудно. Это относится не только к нам, актерам. Например, молодой драматург написал неоконченную пьесу. Но — важная тема, герои, речь идет о нашей

Николай ПЛОТНИКОВ,
народный артист СССР

□ □

современности. Театр помогает драматургу, дорабатывает пьесу. Она, наконец, увидела сцену, принесла кое-какой успех. Драматург, подогретый им, пишет вторую. Театр заинтересован в ней, вновь дорабатывает. Истории повторяются. Закрепляются предыдущие ошибки, недочеты. Более того — драматург, уже не тот робкий новичок в театре, начинает болезненно воспринимать и критику, и замечания театра. И вот финал этой горькой истории: не родился художник, трепетно относившийся к искусству, — родился ремесленник! Ведь умение исправлять ошибки свои — тоже искусство!

Думаю, что постоянная высокая требовательность к себе, к своему творчеству, чувство ответственности — необходимые условия для нормального развития и совершенствования таланта любого художника.

Я вспоминаю, что однажды Евгений Вагратионович Вахтангов написал письмо своим ученикам, молодым артистам. Были в нем такие слова: «нам кажется, что сегодня я такой же, каким был вчера... Хитро обманывает жизнь, хитро завязывает глаза и отвлекает нас, а сама мчит дню за днем, незаметно для нас наминает их на короткий стержень продолжительности нашего существования. Мы и не замечаем, как приходим к концу невинности стержня, как скоро не на что будет наминать. Оглядываясь — и становиться страшно, что же делал все эти дни моей жизни. Что вышло главным, чему я отдал лучшие часы дней моих. Ведь я же не то делал, не того хотел. А если бы можно было вернуть, как бы я прожил, как бы хорошо использовала часы земного существования».

У нас есть возможность не сказать этих слов. Поздних и горьких.

Мы богаты, так расточительны, небрежны и молоды беспечны».

Я вспоминаю слова эти великого режиссера и думаю: как же современны они, как глубоко лично звучат они для меня, побуждая в душе великое чувство неудовлетворенности собой и жажду совершенства. Воюя с душевной ленью, расточительностью, актерской инертностью, Вахтангов предостерегал молодых художников от поздних и горьких раскаяний, звал баскоростно и щедро служить искусству яркому, возвышенному, праздничному... Он мечтал создать Народный театр, постановки которого были бы непременно грандиозны, непременно с массовыми сценами, непременно героического репертуара. Истинно народный театр, «отражающий и растягивающий революционный дух народа». И все его блестящие постановки, в том числе и знаменитая «Принцесса Турандот», вписавшиеся в забытые страницы истории советского театра, — лишь подступки к осуществлению мечты.

Я пишу об этом — сегодня после спектакля и вспоминая имя Вахтангова вновь потому, что его идея, гражданские и художественные, не отданы истории, а живут в нашем сегодняшнем творчестве, оплодотворяют его. Да, мы богаты животворными традициями, созданными великими художниками театра — К. С. Станиславским, В. И. Немировичем-Данченко, Е. В. Вахтанговым, Р. Н. Симоновым, В. Э. Мейерхольдом, А. Д. Поповым, Н. П. Охлопковым и другими. И мы не имеем права быть расточительными, небрежными, беспечными в отношении к нашему наследию.

Мысленно представляю себе путь нашего истинно народного театрального искусства, его движение, многообразие проявлений. И думаю о животворной силе художественных традиций, о прекраснейшем, искреннем, правдивом и повечном искусстве напем.

Недавно я принимал участие в работе жюри смотра «Московская театральная весна-71». Немало видел театральных спектаклей. И не-не-да и возникало во время этих просмотров такая мысль: будто где-то уже видел я и такие «станки» на сцене и подобные условные конструкции. Но вот выходит на сцену актер, и сердце его полно чужа, правды жизни! И думаешь: ах, как мне мешает это скучное, унылое по мысли, «безобразное» оформление! Как жаль актера, который вынужден то ползти по гигантским студенькам на сцене, то возвращаться вновь (может быть, по

мысли художника, это — ступени жизни героя, ее «зигзаги»?). Сидишь и гадаешь, что хотел сказать этим ребусом театр, и незаметно уходит правда искусства актера, правда жизни, форма оказывается агрессивной по отношению к содержанию!

Помню был у меня такой случай. Николай Павлович Охлопков ставил «Мат» Горького, и играл я в этом спектакле роль Находки. Моего героя выпускают по ходу действия из тюрьмы. Художник спектакля Яков Штоффер поставил на сцене тюремную решетчатую дверь. И вот однажды на репетиции я предложил ему поставить одну дверь, а палаты Мол, царская Россия — тюрьма для трудящихся. Мысль понравилась. Поставили на сцене пять дверей, пять тюремных решеток. И вот — удивительно: такое образное решение стало «работать» на меня, актера! Помогать мне. Мне открывали одну дверь вторую... А на душе моей уже что-то накатывается, поднимается. Третья дверь — грудь давил! Четвертая — слезы навернулись на глаза! Пятая — Находка мой выходит на волю, падает сверху на меня, желтый свет, и крики, рыдания! Замучил! Изначал И даже сейчас, пишу эти строки, представляю себе путь этот Находки, а переживаю так, будто только что сыграл все вновь, будто спектакль этот — не достояние памяти театралов, а живой, настоящий. Все в нем рождено было верным чувством правды жизни!

Интересно, что это верное самочувствие, пришедшее с точно ладящим образом решением сцены в спектакле, не давало возможности мне, актеру, хотя бы раз сыграть вполсилы. Какое, однажды мне надо было побыстрее сыграть эту сцену: не успевал на один важный концерт. Я попросил актера, который играл тюремщика, открывать двери без всяких задержек: «Эмоций, всяких слез там, сегодня не будет!» И что же? Началась сцена. Открывались двери, а я уже не могу — нахлынули властно верные чувства, стеснило грудь, вновь навернулись слезы, и, наконец, — солнце свободы, и скрипки заиграли... и забыл я, что нужно мне спешить! Правда жизни, правда искусства властно захватили меня!

ТАКИХ примеров в жизни каждого актера немало. В минуты эти чувствуешь и глубину, и силу порыва вдохновения, и красоту, и благородство прекрасной нашей актерской профессии. Да, верно, театр — это общественная кафедра, но это — и праздник. Не в смысле праздности, бездумного развлечения, а праздник оттого, что человек познает в нем, в театре, новое, еще неизведанное,

чувствует себя, я бы сказал, сохудожником, сотворцом искусства, ибо театральное искусство рождается, как в вольтовой дуге, от слияния мыслей и чувств в зрительном зале и на сцене. И стоит сфальшивить кому-либо на сцене, взять неверную ноту, и разрушен волшебный контакт. Вывает, что плачет актриса, что называется, «живыми» слезами, как и требовал того режиссер на репетициях. Все верно, а зритель толкает товарища в бок, бинокль дает: «Посмотри-ка, плачет! По-настоящему!» Вроде бы — правда жизни на сцене (плачет-то актриса взаправду), а искусства нет. Отчего же? Искусство всегда требует не копирования жизни, а поэтического, художественного обобщения: только так возникает эта магическая сила, объединяющая артиста со зрительным залом в едином порыве.

У Стендаля в трактате «О любви» есть такое красивое определение — «кристаллизация». Зеленую ветку бросил в соленую воду, и через некоторое время она покрылась удивительно красивыми, сверкающими, прозрачными кристаллами. Стендаль говорит, что это происходит с каждым влюбленным. Истинный художник должен быть таким человеком — влюбленным в жизнь, в людей, в свою Родину. Только ловя на правду, высокие чувства может открывать его беспокоеное сердце. Сезон театральный еще только начинается. Первый сезон после XXIV съезда нашей партии. Сколько на нем, и в докладах, и в выступлениях говорилось об искусстве. И разве можем мы, люди творчества, не ответить на эту заботу партии делом. И я думаю, сколько же новый сезон принесет нам открытий, сколько радости подарят актеры артелям во всех театрах, больших и малых, во всей нашей стране!